

¹ Первая выставка советской книги в Праге состоялась в марте 1924 г. на международной весенней ярмарке образцов. Было показано 5000 книг, изданных Госиздатом РСФСР в 1918—1923 гг. Выставка вызвала большой интерес. Весь комплект книг был закуплен после ее закрытия библиотекой Карлова университета, Чешским библиографическим обществом, различными издательствами и книжными магазинами (см. ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 6, д. 524, л. 116).

Выставка советской книги 5—30 мая 1925 г. в Праге была организована Госиздатом СССР при активном участии Общества экономического и культурного сближения с новой Россией. На ней было показано 7000 книг, изданных в СССР главным образом в 1923—1924 гг.: научная, научно-популярная, художественная, детская литература, учебники, а также газеты и журналы. Посетители впервые увидели книги на многих языках народов СССР — татарском, киргизском, марийском, калмыцком и др. Многочисленные иллюстрации, диаграммы, таблицы рассказывали о деятельности советских издательств и развитии образования и просвещения в СССР.

Чехословацкая печать различных направлений характеризовала выставку как важный шаг в развитии культурных связей с СССР. «Руде право» 5 мая писала: «В государстве рабочих и крестьян культура поставлена на службу трудящихся. Пусть пражский пролетариат убедится в этом, посетив выставку советской книги».

Выставку посетило около 4500 человек. Особый интерес посетителей вызывал раздел, в котором были представлены произведения В. И. Ленина, альбомы посвященные его жизни и деятельности, а также учебники, педагогическая и детская литература («Nové Rusko», roč. 1, 1925, č. 5—6, s. 161—162; «Rudé právo», Praha, 5., 6., 9., 15., 19. května 1925).

126

Nota Представительства СССР в Чехословакии Министерству иностранных дел Чехословакии

Прага

18 мая 1925 г.

Нотой от 18 апреля 1925 г. за № 16893/25—II¹ Министерство иностранных дел ЧСР обратилось в Полномочное Представительство с просьбой сообщить, как Правительство Союза Советских Социалистических Республик толкует содержание договорных положений, имеющих в ст. 3 договоров между Чехословацкой республикой и Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и между Чехословацкой республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой, каковые договоры устанавливают для персонала обоюдных Представительств (кроме главы Представительства и двух членов) права, равные с правами лиц аналогичного служебного положения Представительств других государств.

Поскольку речь идет о положении соответствующих лиц персонала Чехословацкого Представительства в Москве, Правительство СССР должно отметить по этому поводу, что упомянутые договоры относятся к периоду, когда в международно-правовом положении, аналогичном с вытекающим из договоров от 5 и 6 июня 1922 г., находился ряд иностранных представительств в Москве; таким образом, в то время из постановлений ст. 3 вытекало приравнение соответствующего персонала Чехословацкого Представительства к аналогичному персоналу других представительств того же характера.

С тех пор, как это известно Министерству иностранных дел, положение изменилось. И поэтому приравнять ныне персонал Представительства Чехословацкой республики к соответствующему персоналу других представительств объективно невозможно, так как все прочие иностранные представительства прибывают теперь в Союз ССР на совершенно иных основаниях, чем Представительство Чехословацкой республики.

Тем не менее независимо от этих соображений, приводимых лишь ввиду поставленного в ноте Министерства иностранных дел от 18 апреля с. г. вопроса о толковании ст. 3 договоров от 5 и 6 июня 1922 г., Правительство СССР, обращаясь к содержащемуся в названной ноте предложению о взаимном признании права экстерриториальности членов Представительства в несколько большем объеме, чем было установлено в поименованных договорах, не видит со своей стороны возражений к тому, чтобы экстерриториальность и прочие права и привилегии, вытекающие из дипломатического положения, были взаимно признаны за главой миссии, советником, первым и вторым секретарями, торговым представителем и его заместителем каждой стороны, поскольку они, конечно, являются гражданами Чехословацкой республики или соответственно Союза ССР.

Что же касается затронутого в ноте Министерства иностранных дел вопроса о юридическом положении отделения Представительства Чехословацкой республики в Харькове, то Правительство Союза ССР не может согласиться с мнением Министерства иностранных дел, что в юридическом положении этого отделения ничего не изменилось по сравнению с временем заключения договора между Чехословацкой республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой от 6 июня 1922 г., и, напротив, считает, что именно в части, касающейся положения Представительства Чехословацкой республики в Харькове, глава которого являлся «аккредитованным при центральном ведомстве иностранных дел той страны, для которой Представительства учреждены», этот договор сделался неосуществимым с того времени, когда союзные республики, в том числе и Украина, передали Общесоюзному правительству ведение всех своих международных сношений. Поэтому буквальное толкование нотификации Советского правительства от 23 июля 1923 г.¹ понимается неправильно. С другой стороны, и Представительство Чехословацкой республики в Москве со времени вступления в силу Союзной Конституции может быть признано таковым в качестве Представительства для всего Союза ССР как единого государства.

Изложенное не оставляет сомнения в том, что если Правительство Чехословацкой республики и может иметь (при наличии согласия на это Правительства Союза ССР) какой-либо свой орган в Харькове, то лишь в форме консульства и, разумеется, на основе взаимности, в силу чего Правительство Союза ССР могло бы учредить консульство СССР в каком-либо пункте Чехословацкой республики, подлежащем особому согласованию.

Полномочное Представительство пользуется случаем, чтобы выразить Министерству иностранных дел свое неизменное уважение.

Публикуется по сб.: «Документы внешней политики СССР», т. VIII. М., 1963, с. 315—317.

¹ В упомянутой ноте Министерства иностранных дел Чехословакии от 18 апреля 1925 г. № 16893/26-II говорилось:

«Относительно юридического положения служебного персонала Представительства ЧСР в Москве Министерством иностранных дел установлено, что Народный комиссариат иностранных дел СССР признает в полном объеме права экстерриториальности только за лицами, поименованными в ст. 2 договоров, заключенных между ЧСР и РСФСР, ЧСР и УССР, т. е. за главой и двумя членами Представительства.

Остальной персонал, согласно нашим сведениям, не пользуется никакими особыми правами или преимуществами. Единственным преимуществом можно было бы считать регистрацию паспортов этого персонала через Народный комиссариат ино-

странных дел, а не через Народный комиссариат внутренних дел, как у остальных иностранцев. Особые легитимации этому персоналу также не выдаются.

В силу этого Правительство СССР не считает остальной персонал экстерриториальным, вследствие чего возникает вопрос, какое толкование вкладывает Правительство СССР в содержание ст. 3 договоров или в чем заключаются те права остального персонала Представительства, которые, согласно упоминаемой статье, должны быть равны с правами лиц, находящихся в аналогичном служебном положении в представительствах других стран.

Поэтому Министерство иностранных дел просит любезно сообщить, как Правительство СССР толкует содержание договорных положений, содержащихся в ст. 3, после чего оно и предполагает на основании взаимного соглашения урегулировать юридическое положение персонала вашего Представительства.

Министерство иностранных дел сообщает, что оно со своей стороны на основании полной взаимности готово признать права экстерриториальности и за лицами служебного персонала, не перечисленными в ст. 2 договоров, поскольку они, конечно, являются гражданами СССР и занимают аналогичное служебное положение как служебный персонал постоянных дипломатических миссий других стран.

Если бы Правительство СССР не разделяло этого взгляда на решение вопроса, Министерство иностранных дел могло бы признать права экстерриториальности только за главой Полномочного Представительства, за его заместителем и первым секретарем, а остальной персонал пользовался бы только преимуществом регистрации паспортов посредством нашего Министерства.

В связи с этим Министерство иностранных дел считает необходимым вновь обсудить вопрос о юридическом положении Представительства ЧСР в Харькове.

Украинское Советское Правительство сообщило нам нотой от 23 июля 1923 г. о вступлении УССР в СССР и о передаче СССР ведения всех своих международных сношений и выполнения всех международных договоров, которые Союзом Советских Социалистических Республик будут сохраняться на территории УССР в их прежней силе. Такое же заявление сделал и СССР в лице народного комиссара иностранных дел г. Чичерина, который в своей ноте от 23 июля 1923 г., адресованной представителю ЧСР в Москве, касаясь договоров и соглашений отдельных республик, составляющих СССР, определенно говорит, что они сохраняют на территории соответствующих республик свою прежнюю силу («Conservernt sur les territoires des Républiques intéressées leur précédente vigueur»).

В силу этого в юридическом положении Чехословацкого представительства в Харькове ничего не изменилось. Вследствие же государственно-правовых изменений, возникших в результате образования СССР, необходимо было переименовать это Представительство в отделение Представительства ЧСР. Однако согласно упомянутым заявлениям Украинского Советского Правительства и народного комиссара иностранных дел СССР это Представительство сохранило все преимущества и все права, присвоенные ему согласно временному договору с УССР от 6 июня 1922 г., т. е. также его ст. 2 и 3, и потеряло из своих функций только те, которые по своему характеру несовместимы с новым государственно-правовым положением, возникшим в связи с образованием СССР.

Министерство иностранных дел со своей стороны также полностью признавало действительность обоих договоров (с РСФСР и с УССР) и до сих пор признает права экстерриториальности согласно ст. 2 договоров за 6 лицами (3 и 3) вашего Представительства, которым выдало особые дипломатические легитимации. Но Чехословацкое Представительство в Харькове подобными правами не пользуется и, согласно сообщениям, должно быть приравнено к консульствам со всеми вытекающими из этого для юридического положения его персонала последствиями.

Таким образом, возникает ненормальное положение в толковании заключенных договоров и, конечно, в интересах обеих сторон необходимо урегулировать этот вопрос соглашением между Правительствами ЧСР и СССР.

Ввиду серьезности этих вопросов и значения их для выяснения юридического положения всего персонала вашего Представительства, а также чехословацких Представительств в СССР Министерство иностранных дел любезно просит по возможности скорее сообщить о точке зрения Правительства СССР по этим вопросам» («Документы внешней политики СССР», т. VIII, М., 1963, с. 317—318).

² См. док. 34.